

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ КАК ВЫБОР И ПУТЬ¹

И.И. Блауберг
Институт философии РАН

Аннотация: В статье описаны обстоятельства, повлиявшие на выбор автором философии в качестве профессии. Историко-философская специализация, избранная на философском факультете, определила всю дальнейшую деятельность автора в журналах «Вопросы философии» и «Путь», а позже – в Институте философии РАН. В статье показано, какую роль играли «Вопросы философии» в советский период, как строилась работа в журнале, какие перемены произошли к концу 1980-х гг. Автор рассказывает об этапах своей научной работы – исследования философии А. Бергсона и концепций его предшественников – представителей французского спиритуализма XIX в.

Ключевые слова: история философии, философский факультет МГУ, журнал «Вопросы философии», журнал «Путь», Институт философии РАН, концепция А. Бергсона.

Эта статья – не портрет поколения, а просто впечатления, воспоминания, субъективные заметки о тех формах бытования философии в нашей стране, которые сыграли большую роль в моей жизни. Выделю три плана, или ракурса: учебу на философском факультете МГУ, редакторскую работу в философских журналах («Вопросах философии» и «Пути») и, наконец, научную работу в Институте философии. Это, собственно, три главных этапа моей «философской жизни». Если относить мое поколение к «семидесятникам» в соответствии со временем получения высшего образования, то период, когда я училась на философском факультете, точно вписывается в эти временные рамки: поступила в 1971 г., окончила аспирантуру в 1979 г. Я далеко не сразу решила поступать именно туда: в школе вначале мечтала быть геологом, потом учительницей, подумывала о филологическом факультете. В итоге победила семейная традиция: влияние родителей, связавших свою судьбу с философией, конечно, сказалось на моем решении. С конца 1960-х гг. наш дом стал одним из главных центров разработки системного подхода: Э.Г. Юдин, В.Н. Садовский и И.В. Блауберг, мой отец, получили там кооперативные квартиры и часто собирались вместе для работы. Постепенно системный анализ пробивал себе дорогу, хотя вначале «в верхах» был встречен в штыки: ведь существовал диалектико-материалистический метод, при чем тут еще какой-то системный? Теперь все это хорошо известно, описано в воспоминаниях самих участников тех событий. Конечно, все это обсуждалось и переживалось дома, чему я бывала свидетелем. В нашей квартире порой появлялись неизвестные мне люди: как потом выяснялось, это были А.П. Огурцов, М.К. Пет-

¹ Первая публикация была осуществлена в издании: Блауберг И.И. История философии как выбор и путь. – Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: ЯСК, 2022. – С. 597–611.

ров и другие коллеги и знакомые родителей. От мамы я много слышала о перипетиях преподавательской работы, о том, какие сложности возникали с преподаванием философии в техническом вузе. Так или иначе, философия незримо присутствовала в нашей жизни.

Но были и другие обстоятельства, которые способствовали моему выбору профессии. Так, в школе, когда я училась в 10-м классе, наш историк Георгий Львович Никоноров вел для нас факультативно кружок по изучению «Капитала» Маркса. Кажется, «Капитал» был его любимой книгой. Мне сразу понравился этот процесс. Содержание занятий оказалось гораздо шире заявленного названия: например, вечерами в классе, после обсуждения «Капитала», речь вдруг заходила о Солженицыне. Тогда я впервые услышала названия некоторых его книг. Георгий Львович по договоренности с руководством Театра на Таганке (он был знаком с Ю. Любимовым) организовывал туда культпоходы, с тем условием, чтобы мы после просмотра писали свои отзывы о спектаклях. Довольно много мы тогда посмотрели, а ведь это был 1970 год, попасть на Таганку было очень сложно. Сильное впечатление произвел на меня, помимо прочих, спектакль «Что делать?». Чернышевский предстал там совершенно по-новому: это было настолько живо и интересно, что я ловила себя на желании оказаться не в зале, а на сцене, быть не внешним наблюдателем, а участником действия.

Теперь я иногда думаю, что в 17 лет поступать на философский рановато. Здесь действительно нужен какой-то жизненный опыт – ведь именно из него вырастают вопросы, которые становятся необходимым обдумать, прояснить для себя. На нашем курсе учились студенты, старше меня лет на 10, чей выбор был, очевидно, более осознанным, чем у меня. Но время показало, что я все же не ошиблась: ни разу в жизни потом не пожалела, что пришла именно на философский факультет. Там нам давали полноценное образование: помимо собственно философских дисциплин, мы изучали основы высшей математики, всеобщую историю, психологию, историю искусств. Лекции по всеобщей истории создавали необходимую «канву», на которую потом накладывались сведения о соответствующих эпохах философской мысли. На третьем курсе, когда началась специализация, я выбрала кафедру истории зарубежной философии. Она считалась тогда одной из лучших, а на мой взгляд, была лучшей на факультете. Сейчас я понимаю, насколько важно было то, что мы изучали историю философии последовательно, от предфилософии и философии Античности до концепций XX столетия. Позже, когда я узнала, что на Западе студенты выбирают себе интересующие их курсы, причем они могут быть не особенно связаны между собой, меня это очень удивило. В нашей памяти выстраивался и закреплялся весь многовековой процесс движения философской мысли. И общие знания о нем остались на всю жизнь, пусть что-то со временем уже и забылось. Такой способ преподавания создавал прочную основу, на которой могли размещаться потом специальные знания, связанные уже с самостоятельной научной работой. Мне, кстати, рассказывали, что сравнительно недавно бывали случаи, когда на философский факультет приезжали учиться иностранцы – специально для того, чтобы пройти историко-философский курс целиком. Эта особенность нашего образования помогала, думаю, нашим известным историкам философии писать обобщающие книги, посвященные проблеме, проходящей через века (приведу в качестве примера книгу П.П. Гайденко «Время. Длительность. Вечность», 2006). Жаль только, что в тот период, когда я училась, мы не изучали древние языки. Можно было освоить, например, санскрит, что с успехом сделали некоторые из моих сокурсников, но древнегреческий и латынь не входили в программу. Этот пробел я так никогда и не восполнила, хотя давно поняла, как такое знание важно для историка философии.

В нашем историко-философском образовании делался акцент на работу с источниками. Кафедра уделяла этому особое внимание. Мы сидели в библиотеке, писали конспекты, потом на семинарах обсуждали все прочитанное. Здесь, в отличие, скажем, от поколения «пятиде-

сятников», в том числе моих родителей, нам повезло. С 1963 г. издавалась серия «Философское наследие», и к 1970-м г. мы получили возможность читать в переводе Платона, Бэкона, Канта, Гегеля... Использовали и издания прежних лет – учебная программа была довольно насыщенной. В нашей библиотеке гуманитарного корпуса на Ленинских горах были доступны и дореволюционные издания, например книги Ницше и Фрейда, первый том «Логических исследований» Гуссерля и др. Опора на первоисточники – один из главных принципов, который запомнился на всю жизнь. Из учебников читали, конечно, знаменитую трехтомную «Историю философии» («Серую лошадь»); вызывали интерес и регулярно публиковавшиеся тогда монографии из серии «Мыслители прошлого». В начале 1970-х гг. вышло объемное учебное пособие «Современная буржуазная философия». Разумеется, время с его идеологическими ограничениями оставило на нем свою печать, как и на многих других изданиях, особенно посвященных философским учениям XX в. Но в этой книге были главы, которые я и сейчас вспоминаю с удовольствием: они были так четко написаны и логически выстроены, что очень подходили для подготовки студентов. С большим интересом читали мы и коллективные труды по исследованию зарубежной мысли XX столетия, подготовленные в Институте философии, такие как «Современный экзистенциализм», «Проблема человека в современной философии» и др.

Запомнились и спецкурсы, которые вели в нашей группе В.И. Гараджа (по неотомизму), Б.С. Грязнов (по философии науки), Т.А. Кузьмина (по проблеме субъекта в западной философии). Преподавателей нашей кафедры всегда буду помнить всех, большинство из них – с благодарностью. Кафедра и сейчас сохраняет, насколько могу судить, тот дух интеллигентности и доброжелательности, который мы чувствовали и ценили. На втором курсе мы познакомились с человеком, которого можно назвать легендой философского факультета, – Василием Васильевичем Соколовым. Я слышала о нем от родителей, у них он тоже преподавал, и после нас успел поведать об античной философии многим поколениям студентов. До сих пор у меня хранятся конспекты его лекций. Нам он был особенно близок, ведь в одной группе с нами учился его сын – Алексей (теперь он тоже преподает на философском факультете). Из работ наших преподавателей мне вспоминается прежде всего книга Геннадия Георгиевича Майорова «Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница» (1973). Я прочла ее, кажется, на одном дыхании: прежде не встречала так написанных книг.

Г.Г. Майорову я признательна и за то, что благодаря его посредничеству Валентин Фердинандович Асмус прочел нам спецкурс о Канте. Наша группа несколько раз ездила в Переделкино, чтобы его послушать. Это тоже было впечатлением, оставшимся в душе на всю жизнь. Не буду повторяться, я уже писала об этом в сборнике, посвященном В.Ф. Асмусу [Блауберг 2010: 203–206]. Но эта история имела продолжение: 30 лет потом, после кончины Валентина Фердинандовича, мы, несколько человек из нашей группы, ездили в Переделкино к его вдове, Ариадне Борисовне, продолжаем ездить и теперь, уже к их дочери. Этой традиции мы остались верны.

Куратором нашей группы была тогда Галина Яковлевна Стрельцова, с ней мы довольно много общались. Единственная женщина-преподаватель на нашей кафедре, она была уже автором книги о Сартре и начинала изучать философию Паскаля, которая стала позже главной темой ее исследований. Разработка ею в историко-философском ключе «метафизики сердца», стремление посмотреть на философские концепции с экзистенциально-антропологической точки зрения всегда привлекали меня. Но в те годы идеи Паскаля, как оказалось, еще были опасной темой, его порой могли назвать (и называли) «реакционным» философом, и на этой почве возникали разногласия (вспоминаю более позднее, уже из аспирантских времен, заседание кафедры, где по этому поводу развернулась настоящая дискуссия).

Как и мои родители, я никогда не относилась к «внутренней оппозиции». Тогдашнюю идеологическую ситуацию в стране многие из нас, и я в том числе, воспринимали как данность, стремясь найти – в этих условиях – возможности для собственной работы. Конечно, в сознании это оставляло след, что сказывалось на отношении к теме собственных философских занятий, особенно когда речь шла о современной «буржуазной» философии: необходимо было соблюдать принятые «ритуалы» в написании курсовых и дипломных работ. При этом к власти не было никакого пиетета, в своем кругу без всякой опаски рассказывались «политические» анекдоты. Я особо не задумывалась о скрытых течениях на нашем факультете, но они подчас давали себя знать. Так, однажды с подготовкой стенной газеты нашего курса, в чем я тоже принимала участие, случилась история, похожая на ту, которую я гораздо позже прочла в «Детях Арбата» А. Рыбакова. Кто-то из соответствующих лиц слишком внимательно и предвзято прочел нашу газету и сделал надлежащие выводы, не имевшие, правда, никакого отношения к реальности. Началось разбирательство, и для некоторых наших товарищей это создало неожиданные сложности в дальнейшей их судьбе.

Поскольку существование наше отнюдь не сводилось к учебе, стоит упомянуть об иных его сторонах. На третьем-четвертом курсах сложился определенный круг общения, в который входили и мои «однруппники», и студенты из других групп. Мы жили своей студенческой жизнью, отмечали праздники, дни рождения, сдачу экзаменов, собирались порой просто так, пели песни. Нельзя не вспомнить и привычные для тогдашних поколений студентов поездки на сельхозработы («на картошку»), и опыт работы в стройотрядах. Много путешествовали: кроме обычных ближних, подмосковных походов, запомнились еще поездки в Углич, Вологду, Таллин, Львов. (Тогда, кстати, существовала возможность посетить и социалистические страны в рамках т.н. производственно-ознакомительной практики. Так в 1974 г. я впервые побывала в Польше.) До сих пор мы общаемся. Некоторые из выпускников нашего курса успешно работают сегодня в Институте философии: Рубен Апресян, Ирина Бескова, Виктория Лысенко, Марина Киселёва, Наталья Смирнова. Многие преподавали и продолжают преподавать в московских вузах, в том числе в МГУ. Назову еще трех известных наших сокурсников: Федора Гиренка, возглавляющего сегодня кафедру философской антропологии в МГУ, Александра Разина, руководящего там же кафедрой этики, и Семёна Экштута, который еще в годы учения заинтересовался историей, а позже связал свою научную карьеру с этой дисциплиной, стал автором целого ряда книг по истории России.

Расскажу о впечатлениях, связанных с чтением, восприятием явлений культуры и порой тоже философски насыщенных. В те годы удавалось много читать; среди моих любимых авторов были Хемингуэй, Ремарк, Бёльль, Пруст, а особенно Фолкнер – в 1973 г. как раз вышел в «Иностранной литературе» его роман «Шум и ярость». Его я читала тогда запоем, в том числе на тех лекциях, которые казались мне не очень интересными (потом порой об этом жалела). В доме у нас была неплохая библиотека. Выписывали, кроме «Вопросов философии», толстые литературные журналы – «Новый мир», «Октябрь», «Юность», «Иностранную литературу». В университете бывали интересные лекции по истории музыки и др. Стоит вспомнить и знаменитые выставки художников-графиков, представителей неофициального искусства, проходившие со второй половины 70-х гг. на Малой Грузинской. Разумеется, большое место в жизни занимал театр. Я увлекалась тогда Юджином О'Нилом, читала его пьесы и, если что-то появлялось в наших театрах, старалась посмотреть (помню, его пьесу «Душа поэта» поставили в театре им. Пушкина). А потом началась эпоха театра на Юго-Западе, и все другие театры как-то отступили в сторону. Конечно, не потому, что этот театр находится в непосредственной близости от моего дома, а потому, что подбор пьес, камерная обстановка, способность актеров к столь искреннему, живому исполнению производили очень сильное впечатление. Я видела там много спектаклей, поражалась тому, как непрофес-

сиональные актеры смогли так увлечь зрителей. Мне кажется, Валерий Белякович и его театр – свидетельство того, как много можно сделать в непростых условиях существования. Подняться практически на одном энтузиазме (помнится, артисты ходили по окрестным домам в поисках какого-нибудь реквизита, костюмов и пр.) и создать свою труппу, на спектакли которой зрители буквально ломались, – это дорогого стоит. Гоголь, Чехов, Шекспир, Ионеско (после постановки «Носорогов» театр на несколько месяцев был закрыт), Олби, Булгаков... До сих пор я уверена, что поставленный Беляковичем спектакль по пьесе Э. Олби «Что случилось в зоопарке» – один из лучших, которые я видела в жизни.

Возвращусь к делам учебным. Моим научным руководителем по диплому и кандидатской диссертации был Алексей Сергеевич Богомолов. Ему я фактически обязана выбором направления научной работы, которому продолжаю следовать и теперь. Еще на первых курсах меня заинтересовала проблема интуиции и ее значения в истории философии. Здесь сыграла роль и книга В.Ф. Асмуса «Проблема интуиции в философии и математике», и монография Ю.М. Бородая «Воображение и теория познания», которую я увлеченно читала как своего рода философский детектив, и многое другое. Обе курсовые работы я писала по этим вопросам, рассматривая проблему интуиции в рационализме Нового времени; в дипломе присоединились учения немецкого классического идеализма и – по контрасту – Бергсона. (Кстати, подробное исследование интуиции в историко-философском плане – интереснейшая и очень плодотворная тема. Я давно надеюсь, что кто-то из молодых философов заинтересуется ею и сможет осилить эту сложную задачу.) Но самой концепцией Бергсона я дальше не собиралась заниматься, а присматривалась к французскому персонализму. И тут Алексей Сергеевич сказал свое веское слово: «Бери кого-нибудь одного. Вот, например, Бергсона. Его этико-социальную теорию у нас еще не исследовали». Я поняла его опасения, ведь обширную тему можно было и не «вытянуть» за три года, такие примеры известны. Скрепя сердце я согласилась, поскольку иначе пришлось бы искать другого руководителя. И это решение оказалось судьбоносным, хотя уже гораздо позже я полностью осознала, насколько интересно и важно было то, над чем я только начала работать при подготовке диссертации, и как об этом нужно писать (вначале все время вторгались – в качестве «критики» – какие-то привычные штампы). Именно это я, среди прочего, имела в виду, говоря, что в философию рано идти в 17 лет. Ближе к 30 годам я посмотрела на то, чем занималась, совсем другими глазами.

Утвердив тему кандидатской, я показала А.С. Богомолову ее план, получила рекомендации насчет того, что стоит прочесть. Это были следующие книги: «Романтическая школа» Р. Гайма, «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» И. Ильина, «Этика Фихте» Б. Вышеславцева и некоторые другие. Так произошла первая моя серьезная встреча с русской философией – ведь в ту пору на факультете вовсе не приветствовались такие авторы, как Ильин и Вышеславцев, их время пришло гораздо позже. Эти и многие другие книги, уже французских авторов, я начала осваивать, все больше погружаясь в мир Бергсона и бергсоноведения и тогда еще не подозревая, что творчество тех писателей, которых я с удовольствием читала в юности – Пруста, Фолкнера, – окажется довольно тесно связанным с темами моей научной работы.

Со студенческих лет я очень любила библиотеки. Занималась в Ленинке (теперь РГБ), Научной библиотеке МГУ, Иностранке, ИНИОНе, позже записалась в Историчку. Наиболее богатый фонд по моей теме был в ИНИОНе, куда я впоследствии ходила регулярно (последний раз была там недели за две до пожара). Это был особый мир, с его бесценными редкими книгами, отсутствие которых сейчас сильно изменило мои научные планы. Какие-то книги я держала на примете, но откладывала на потом: мол, еще успею, – а теперь уже неясно, где их искать. Интернет далеко не всегда может в этом помочь.

Завершая работу над диссертацией, я задумалась о дальнейших жизненных планах. Карьерные вопросы никогда меня не волновали. Хотя я окончила факультет с красным дипломом, понимала, что особого выбора нет. Большинство моих сокурсников стали после окончания факультета преподавателями, но преподавать я не хотела. Понимала, что в Институт философии не попасть, тогда это было очень сложно. Поэтому предполагала, что смогу устроиться в ИНИОН и вести там реферативную работу. Но тут в моей судьбе произошел неожиданный поворот: Леонид Иванович Греков, бывший тогда ответственным секретарем журнала «Вопросы философии», предложил мне место редактора (тогда это называлось «научный консультант») в отделе критики современной буржуазной философии. Место оказалось вакантным, поскольку занимавшему его до меня В.Ф. Кормеру пришлось уволиться после того, как его роман «Крот истории» был опубликован за рубежом. Я согласилась, и это определило мою жизнь на долгие годы: вот уже больше 40 лет не расстаюсь с редактированием (сейчас веду журнал «История философии» в нашем институте).

Журнал тогда занимал свое место в сложной иерархии: он был тесно связан с Институтом философии и выходил под его грифом, по производственной линии относился к издательству «Правда», а еще курировался непосредственно ЦК КПСС. В этом положении были свои преимущества: например, нас не посылали на овощебазу (чтобы не нарушать производственный процесс), что в те времена было большой редкостью. А если какой-то автор принимался немилосердно править верстку, можно было указать, что это «конъюнктурная правка» (для издательства «Правда» это было обычной ситуацией). В определенном смысле «Вопросы философии» были тогда центром философской жизни. В этот ведущий философский журнал стекались статьи авторов со всей страны, и публикация на его страницах могла радикально изменить судьбу человека (мне известны несколько таких случаев). Соответственно, журнал при тогдашнем немалом тираже расходился по всей стране, на него подписывались, его читали в библиотеках и даже в местах заключения, откуда в редакцию часто приходили письма. Философия шла в массы, и массы эти на нее откликались, как могли. Во время конференций в других городах, куда я ездила как представитель журнала, на встречах с читателями становилось ясно, как внимательно его читают в других городах, как умеют находить между строк то, что авторы не могли сказать открыто. Особое внимание привлекали передовые статьи, которые мастерски сочиняли наши сотрудники, с гордостью воспроизводившие потом в редакции свои языковые находки: «инвалиды холодной войны», «как мог бы сказать Маркс» и пр.

В «Вопросах философии» я проработала 12 лет (с 1979 до 1991 г.). Журнал располагался тогда в уютном двухэтажном особняке на Смоленском бульваре, во дворе многоэтажного дома, рядом с музеем скульптора А.С. Голубкиной. Часть второго этажа занимало Философское общество, что породило шутку: на первом этаже – вопросы, на втором – ответы. Небольшой коллектив, общее дело, которое ежемесячно выражалось в выходе очередного номера журнала (это нередко служило поводом для проводимого экспромтом редакционного торжества). При мне еще работала заведующая редакцией, Ольга Яковлевна Фридлянд, которая пришла в журнал практически сразу после его создания в 1947 г. Устная традиция передавала историю журнала, описывала разные ее этапы, особенно то время, когда главным редактором был И.Т. Фролов, а его заместителем – М.К. Мамардашвили. Период моей работы был иным, журнал тогда возглавлял В.С. Семенов, человек довольно далекий от философии, что сказывалось, конечно, на политике журнала и его содержании. Мои бывшие сотрудники – В.К. Кантор и А.Е. Разумов – яркими красками описали тогдашнюю ситуацию². «Нервом» редакционной жизни, как я со временем поняла, было подспудное, а порой и явное про-

² Отсылаю к роману В.К. Кантора «Крокодил» [Кантор 2002; см.: также: Разумов 2017: 123–129]. О прошлом и настоящем «Вопросов философии» можно узнать из коллективной монографии: Философский журнал... 2017.

тивостояние коллектива главному редактору. А мне журнал представлялся тогда каким-то островком свободы, что, конечно, звучит странно, если учесть контроль со стороны ЦК КПСС, но люди, близкие к журналу, меня поймут. Такое впечатление было связано прежде всего с атмосферой, которая в нем царилла. Он был не только местом работы, но – для меня – школой самообразования, а для многих философов – особым центром притяжения, клубом, где можно было вполне свободно обсудить философские, политические и иные проблемы, сыграть в шахматы или нарды. Для части научных редакторов журнал был своеобразным «мужским братством», основанным на общих интересах. Поскольку мои интересы были несколько иными, я держалась ближе к редакторам старшего поколения – Армену Георгиевичу (так он себя именовал, хотя на самом деле звали его Цолак Геворкович) Арзаканяну и Геннадию Сардионовичу Гургенидзе, – которые вели отделы соответственно истории философии и философии психологии. Оба они были участниками Великой Отечественной войны: Г.С. Гургенидзе воевал на Малой земле, а А.Г. Арзаканян в начале войны был контужен, попал в плен, позже организовывал сопротивление в концлагере в Дахау... [Горохов 2007: 153–159]. Их очень уважали в коллективе как профессионалов своего дела. Тематически ко мне ближе всего был А.Г. Арзаканян – человек очень знающий, полиглот, я у него многому старалась учиться. Он прекрасно знал немецкий язык (собственно, это его и спасло во время пребывания в плену), интересовался немецкой и итальянской философией, философией культуры. Работа в журнале, которая вообще дала мне немало уроков, укрепила и мое равнодушие к карьерным делам: ведь оба наши «аксакала» не имели никаких степеней.

Моим отделом руководил вначале Ю.Н. Семенов, потом – Б.Т. Григорьян, который заведовал тогда соответствующим сектором в Институте философии. Понятие «критика современной буржуазной философии» охватывало разные типы статей – и чисто идеологические, и общетеоретические, и аналитические, посвященные конкретным направлениям и проблемам зарубежной философской мысли. Статьи третьего типа регулярно публиковались на страницах журнала, особенно под рубрикой «Философия за рубежом». Появлялись новые перспективные темы, молодые авторы, среди которых назову В.И. Молчанова, Б.Л. Губмана, А.М. Миграняна, А.И. Пигалева. Все они и сейчас продолжают плодотворную деятельность в своих областях. Работа над статьями была многоступенчатой: вначале этим занимался научный редактор, потом свое мнение высказывала редколлегия и, если оно было положительным, статья проходила «шлифовку» у литературного редактора. В тот период вообще существовала довольно высокая культура подготовки рукописей, среди прочего – переводов с иностранных языков: проводилась сверка, редактирование, в том числе литературное. Сегодня в этой области, на мой взгляд, какой-то разброд: в одних издательствах стараются «держать марку», в других же, как иногда кажется, не обращают внимания на качество переводов, да и вообще не обременяют себя редактурой, которая требует дополнительных финансовых затрат.

Заседания редколлегии длились порой по несколько часов. В нее входили и убежденные борцы с враждебными влияниями, такие как Ф.В. Константинов (правда, в здании редакции он появлялся редко), и философы-профессионалы, хорошо известные в своих сферах знания, – Т.И. Ойзерман, И.Т. Фролов, В.Ж. Келле, В.А. Лекторский, А.С. Богомолов. Порой вспыхивали дискуссии, некоторые из них запомнились надолго. Многих сотрудников Института философии – авторов статей – я увидела впервые именно на этих заседаниях (тогда на них приглашались авторы).

Для повышения научной квалификации редакторов в журнале существовали хорошие возможности (дважды в неделю – библиотечные дни), и я ими постаралась воспользоваться, чтобы определить дальнейшие планы работы. В этом мне помог, в частности, давний интерес к польскому языку. В моей семье все его знали, и я в свое время освоила его по самоучите-

лю. В Польше существовала сильная историко-философская школа, и в наших библиотеках можно было прочесть книги одной из наиболее известных тогда представительниц этой школы – Барбары Скарги. Она занималась французской философией как раз того периода, который меня интересовал. Я имею в виду XIX век – время философской деятельности предшественников Бергсона. Б. Скарга была автором прекрасной монографии и о самом Бергсоне. Я проштудировала в Иностранке эти книги, и они очень хорошо сориентировали меня и при подготовке к защите кандидатской диссертации, и после нее, когда стало ясно, что нужно продвигаться в XIX век, искать истоки бергсонизма. Я много читала в тот период и Мен де Бирана, который считается основоположником французского спиритуализма XIX в., и впоследствии это сыграло в моей научной работе очень важную роль.

Раз в несколько месяцев сотрудники редакции ездили в Госфильмофонд, расположенный недалеко от станции «Белые Столбы» по Павелецкой дороге. Эти поездки организовывал В. Кантор при содействии К. Разлогова. Обычно это мероприятие занимало целый день, за который мы успевали посмотреть несколько фильмов. Именно тогда мы увидели «Полет над гнездом кукушки», «Однажды на Диком Западе», «Крестного отца», некоторые фильмы Херцога и Фассбиндера и др. Теперешним юным поколениям трудно себе представить, что за теми фильмами, которые они без труда могут увидеть сейчас с помощью Интернета, прежде приходилось – и то лишь по особому разрешению руководства Госфильмофонда – ездить в такую даль. Но впечатления, полученные там и долго сохранявшиеся, стоили того.

Как и всё мое поколение, я почти полжизни прожила в одной реальности, полжизни – в другой. И этот опыт по-своему уникален. Нам было уже за 30, когда в стране начались перемены, т. е. мы могли сознательно их воспринимать и пытаться дать оценку; вместе с тем мы достаточно долго жили в прежней стране, чтобы помнить ее реалии – и хорошие, и плохие. Я не склонна видеть все прошлое только в черном или белом цвете, равно как проводить односторонние сравнения с настоящим: здесь слишком много очень разных параметров, их бывает сложно сопоставлять, да это и не входит в мою задачу. Расскажу только о том, как те события сказались на журнале. В постперестроечный период в нем, конечно, произошел качественный сдвиг. Это, впрочем, неточное, слабое слово. Журнал – не сразу, но постепенно – изменился радикально. В «Вопросы философии» пришел новый главный редактор – В.А. Лекторский, немного позже – ответственный секретарь А.А. Яковлев (он начал работать в журнале практически вместе со мной, но потом на несколько лет ушел в Институт философии). В то время на высшем уровне – Политбюро ЦК КПСС – было принято решение об издании на базе «Вопросов философии» книжной серии «Из истории отечественной философской мысли». Вскоре возникло ощущение прорыва какой-то дамбы, плотины. Ту проблематику, которая долгое время находилась под спудом – дореволюционную философию в России, – теперь можно и нужно было исследовать, издавать книги и статьи. В редакции был создан специальный отдел, где готовились к печати тома этой серии (отдел курировал А.А. Яковлев). Тираж журнала взлетел до невиданных высот; кроме того, большую часть его занимали отныне публикации работ русских философов. Теперь уже ясно, что это был один из важнейших этапов в советской (тогда еще советской!) истории философии, результатом чего стал настоящий расцвет исследований философии Серебряного века в России. Эти перемены не только происходили на моих глазах, но я была непосредственно в них вовлечена: буквально в каждый номер приходилось готовить очередную весьма объемную публикацию.

Изменилась и редколлегия: в нее вошли тогда, например, А.И. Володин, П.П. Гайденко, В.П. Зинченко, Н.В. Мотрошилова. В новом качестве – заместителя главного редактора – в журнал вернулся В.И. Мудрагей, несколько лет проработавший в издательстве «Правда». В тот период в журнал пришли новые сотрудники, некоторые из Института философии: В.П. Филатов, Б.И. Пружинин, Н.И. Кузнецова, каждый из них вел свое направление.

Яковлев привлек к сотрудничеству с «Вопросами философии» замечательных переводчиков – М.Б. Гнедовского, А.Б. Григорьева, Н.Л. Трауберг. На страницах журнала стали публиковаться переводы работ Д. Бонхёффера, К.С. Льюиса и др. Впервые именно в журнале были напечатаны переводы статей, заложивших фундамент для долгих последующих обсуждений: «Конец истории» Ф. Фукуямы, «Модерн – незавершенный проект» Ю. Хабермаса. Ограничусь здесь лишь этими примерами, но их можно было бы привести немало. В целом в этот период журнал явным образом перестал быть лишь зеркалом философской ситуации в стране. Он менялся вместе с ней и одновременно указывал новые перспективы для интеллектуальной культуры, ставил новые вопросы и задачи. Несмотря на сильно возросший объем работы, который уже почти не оставлял времени для собственных научных занятий, в журнале мне стало гораздо интереснее. Закипела какая-то новая жизнь, постепенно исчезали старые клише, вся философия предстала в ином виде. Для меня было очень важно оказаться свидетелем и участником этих процессов. С упразднением цензуры постепенно исчезал и «внутренний цензор», который прежде, указывая необходимые границы, в чем-то помогал продвижению «неклассических» статей, но, безусловно, мешал свободе выражения. В конце 1980-х гг. мой отдел провел две большие конференции – по аналитической философии и феноменологии, их материалы были опубликованы в «Вопросах». Практически впервые удалось так свободно, без оглядки на идеологию, обсудить проблемы, которые интересовали участников.

Довольно долго я думала, что буду работать в «Вопросах философии» всю жизнь, ничего другого и не хотелось. Но получилось иначе. В начале 1990-х гг. возникла возможность создать свой философский журнал на базе издательства «Прогресс», где главным редактором был тогда Борис Васильевич Орешин, один из прежних сотрудников «Вопросов философии». Так появился на свет журнал «Путь» во главе с А.А. Яковлевым – один из первых новых философских журналов, которые готовились командой единомышленников. Он начал свою деятельность немного позже «Логоса», возникшего в 1991 г. Первый выпуск «Пути» вышел в начале 1992 г. Вот цитата из первого номера, поясняющая задачи журнала:

Наш журнал будет по мере сил способствовать становлению единого – Восточного и Западного – интеллектуального пространства, он будет объединять усилия философов различных стран, занимающихся жизненно важными проблемами. Ведь философские проблемы, по определению, – это те проблемы, без которых невозможно жить [Яковлев 1992: 8].

В журнале были опубликованы работы К. Барта, Р. Бультмана, Э. Геллнера, В. Вельша, М. Розова, В. Налимова, Дж. Пассмора, А. Грязнова, Е. Рашковского, О. Хаксли, А. Меня, Б. Родомана, А. Пшеворского, В. Биbihина, Л. Колаковского, Дж. Сёрля, М. Шапира, Р. Дарендорфа, Е. Барабанова, Г. Гачева и многих других.

Оба журнала – «Логос» и «Путь» – территориально располагались близко друг от друга («Логос» – во флигеле во дворе «Прогресса»), оба уже своими названиями отсылали к тем традициям, которые стремились продолжить. «Логос» соотносил себя со знаменитым журналом по феноменологии, русская версия которого издавалась в России до революции, а «Путь» – с журналом, издававшимся Н.А. Бердяевым в эмиграции. В книжном приложении к «Пути» – в «Библиотеке журнала “Путь”» – впервые вышла в оригинальной версии «История русской философии» Н.О. Лосского (не в обратном переводе с английского, как это было сделано прежде). Было издано собрание сочинений Н.Ф. Федорова; в малой серии вышли книги Шпета, Лосского, Бонхёффера, Поппера, Гейне, Налимова...

В то время возникла невиданная прежде свобода издательского дела. Новым явлением стали и частные книжные магазины, привлекавшие московских и иногородних интеллектуалов, такие как «Гнозис» или «Эйдос», расположившийся в Чистом переулке. Но одновременно появились и неожиданные препятствия, которые в итоге, вместе с иными экономическими и культурными факторами, постепенно привели издательскую деятельность к кризису. В начале 90-х гг., когда типографии стали частными, они так подняли расценки на печатание книг, что тиражи резко упали. К тому же рухнула сложившаяся система маркетинга, распространения книг и журналов. Наши издания можно было еще купить в нескольких крупных городах, но в другие места они уже не попадали. А Интернет тогда находился у нас еще на раннем этапе развития, так что издательства и читатели оказались оторванными друг от друга.

Хорошо, что «Логос» продолжает существовать уже почти 30 лет, выживая в сложных условиях. Жаль, что «Путь» продержался лишь несколько лет (вышло всего 8 номеров). Он прекратил свое существование вместе с издательством «Прогресс», ставшим, как и другие крупные советские издательства, жертвой «первоначального накопления капитала» с соответствующими ему методами отъема недвижимости. В тот сложный период второй половины 1990-х гг., когда небольшая группа сотрудников «Прогресса» под руководством Б.В. Орешина пыталась спасти тонущее издательство, я отчетливо осознала, что многие мои надежды, связанные с 1991 г., оказались иллюзиями. Иногда я думаю: а чему здесь удивляться? Ведь и писатели, и философы Запада «предупреждали» нас: вспомним говорящие названия философских работ – «Быть и иметь», «Иметь или быть», «Восстание масс». Почему же мы ждали чего-то иного?.. Целый год и много душевных сил мы потратили на спасение издательства, чего-то даже добились, но участь его была предрешена: оно обанкротилось, а работу пришлось продолжить в созданном нами издательстве «Прогресс-Традиция», которое существует и поныне.

Да, журнала «Путь» давно уже нет, но я берегу его номера. Там опубликованы замечательные статьи и переводы, которые и теперь стоило бы перечитать. В середине 1990-х гг. у нас было много и других издательских планов, но какие-то из них реализовались уже на базе «Прогресс-Традиции», а иным не суждено было осуществиться.

В начале 90-х гг. произошло еще одно важное для меня событие – знакомство с Василием Васильевичем Налимовым (1910–1997), глубоким и оригинальным мыслителем, последователем идей мистического анархизма в России. Он был одним из авторов нашего журнала и книжной серии, но позже наше общение переросло эти рамки. Я узнала об удивительной судьбе В.В. Налимова, который, проведя 17 лет в колымских лагерях и ссылке, сумел потом создать целостную философскую концепцию, которую назвал «вероятностной герменевтикой». Математик по образованию, долгое время работавший вместе с Колмогоровым, он был подлинным философом по духу и призванию, все время открывавшим новые сферы деятельности и познания. Александр Павлович Огурцов, работая над очередным томом своей «Философии науки», хотел посвятить отдельную главу концепции Налимова. Но, к большому сожалению, не успел... Я включилась в подготовку к печати и изданию собрания сочинений Василия Васильевича, а после его кончины мы уже много лет продолжаем эту работу с его вдовой – Жанной Александровной Дрогалиной. Его книги – «Вероятностная модель языка», «Спонтанность сознания», «В поисках иных смыслов», «Реальность нереального», «Канатоходец» и др. – завоевали большой интерес читателей, в том числе молодежи. В.В. Налимов остается для меня примером мужества, силы духа, неугасимого философского стремления к осмыслению человека и мира.

Третий этап в моей жизни, который продолжается до сих пор, – работа в Институте философии. Я пришла туда в конце 2005 г. по приглашению Ирены Сергеевны Вдовиной.

Вновь, как в случае с «Вопросами философии», судьба моя решилась как-то неожиданно. Я вовсе не планировала такого поворота. Книгу о Бергсоне, которая стала результатом многолетних моих занятий и чтений, я написала вне всяких институций, просто потому, что в какой-то момент осознала: могу ведь никогда не написать, зачем же столько лет этим занималась и столько интересного для себя узнала. А дальше не было определенных планов. Тут как раз в ИНИОНе мне встретилась Ирена Сергеевна, с которой мы неоднократно сотрудничали при подготовке и редактировании книг. Благодаря ей и началась моя новая жизнь. В институте, помимо моих бывших сокурсников, я увидела много знакомых лиц – этих людей я знала еще со времен университета и «Вопросов философии». Сектор современной западной философии, где я теперь работаю, тоже был не чужим: с А.М. Руткевичем, который прежде заведовал этим сектором, мы вместе учились в аспирантуре, многие сотрудники были мне знакомы.

В институте есть все возможности для научной работы, для творчества. В последние годы стала особенно популярной форма теоретических семинаров, которая очень меня привлекает. Мой интерес к французской философии, особенно к концепции Бергсона, от которой в XX-XXI вв. пошло много интересных путей и направлений, подкрепляется тем, что и в других странах, как Запада, так и Востока, исследование этих проблем с 1980-х гг. получило новый стимул. Я слежу за работой Общества друзей Бергсона, воссозданного в начале 2000-х гг., вижу, какие новые темы возникают и плодотворно разрабатываются в разных странах; отмечаю, что в самой Франции растет интерес к истории спиритуализма, изучением которой я когда-то занялась под влиянием книг Барбары Скарги. Мои коллеги-единомышленники в этой области – Артем Александрович Кротов из МГУ (сейчас он заведует кафедрой истории и теории мировой культуры на философском факультете), защитивший в начале 2000-х кандидатскую диссертацию по философии Мен де Бирана, а затем ставший автором ряда монографий о французской философии, и Виктор Павлович Визгин, сотрудник нашего сектора, замечательный философ, историк философии и науки, тоже обнаруживший в проблематике французского спиритуализма много интересного для себя. Все больше убеждаюсь в том, что концепции великих философов неисчерпаемы, что изучение их предшественников и последователей, путей их влияния в последующей философской мысли позволяет открывать все новые, малоизвестные страницы истории культуры и ее настоящего. Меня радует то, что к философии Бергсона все чаще обращаются молодые исследователи, причем порой из других областей культуры, например искусствоведения [Ровенко 2016]. Вообще очень важно, что в философию приходит молодежь, которая проявляет подлинный, а не формальный интерес к своей специальности, углубляется в историко-философские исследования, усматривая в них стимул к творчеству. История философии может стать для нее не просто сферой приложения способностей, а долгим путем самопознания и осмысления мира.

Блауберг И.И. 2010. Последний спецкурс В.Ф. Асмуса. – *Валентин Фердинандович Асмус / Под ред. В.А. Жучкова, И.И. Блауберг. Сер.: Философия России второй половины XX века.* – М.: РОССПЭН. С. 203–206.

Горохов В.Г. 2007. К 90-летию со дня рождения Ц.Г. Арзаканяна (1917–2003). – *Вопросы философии.* – № 8. – С. 153–159.

Кантор В.К. 2002. *Крокодил.* – М.: Московский философский фонд.

Разумов А.Е. 2017. Журнал в моей судьбе и памяти. – *Вопросы философии.* – № 10. – С. 123–129.

Ровенко Е.В. 2016. *Время в философском и художественном мышлении. Анри Бергсон, Клод Дебюсси, Одилон Редон.* – М.: Прогресс-Традиция.

Философский журнал... 2017. *Философский журнал как феномен интеллектуальной культуры: проблемы и перспективы. К 70-летию журнала «Вопросы философии»* / Ред.-сост. А.А. Гусейнов, Б.И. Пружинин. Сер.: Мысль и слово. – М.: ЦГИ «Принт», 2017.

Яковлев А.А. 1992. Претворение традиции. – *Путь. Международный философский журнал.* – М.: Прогресс. – С. 3–8.